

Андрей Козырев

Запретный город

*Избранные
стихотворения*

Андрей Козырев
Запретный город.
Избранные стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24612400

ISBN 9785448539220

Аннотация

В книге «Запретный город» собраны лучшие стихотворения Андрея Козырева за 2014—2017 гг. Поэтический сборник открывает читателю запретный город поэзии, доступный только посвящённым.

Содержание

Запретный город	6
Вишнёвый сад	8
Воробьиная ода	8
Чудак	10
Не только о пиджаке	12
Памяти Евгения Евтушенко	13
Вишнёвый сад	17
Девяностые	19
«Любой, кто засыпает, одинок...»	21
Один в комнате	23
Ухо Ван Гога	27
К музыке	30
«У каждого свой Бог...»	32
Секс на пляже	34
Падежи	34
Романс	36
Валерии Руди	38
Стихи в честь Настасьи	41
Секс на пляже	47
Я люблю этот сад	50
Тёмная вода	52
Восточный поэт	54
Орда	55

На поле Куликовом	57
Колыбельная	59
Мой несбывшийся храм	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Запретный город

Избранные стихотворения

Андрей Козырев

© Андрей Козырев, 2017

ISBN 978-5-4485-3922-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Запретный город

Дмитрию Мельникову

*В запретном городе моём,
В оазисе моём —
Аллеи, пальмы, водоём,
Просторный белый дом.*

*Туда вовеки не войдут
Ни страх, ни суета.
Там жизнь и суд, любовь и труд
Цветут в тени Креста.*

*Там тысячью горящих уст —
Лиловых, огневых —
Сиреневый глаголет куст
О мёртвых и живых.*

*Там полдень тих, там зной высок,
Там всё Господь хранит —
И прах, и пепел, и песок,
И мрамор, и гранит.*

*Там миллионы лет закат
Горит во весь свой пыл,*

*Там голубь осеняет сад
Шестёркой вещей крыл.*

*Дрожит в тени семи ветвей
Горящая вода,
И в дом без окон и дверей
Вхожу я без труда.*

*Былых истлевших дней зола
Едва шуршит во мне,
И вырастают два крыла
В груди и на спине.*

*Там, в одиночестве моём,
Заполненном людьми,
Звучат сияющим ручьём
Слова моей любви.*

*Там огненно крылат закат,
Оттуда нет пути назад...
Но где они, не знает взгляд,
Ищу их вновь и вновь —
Запретный дом, запретный сад,
Запретную любовь.*

Вишнёвый сад

Воробьиная ода

Воробей, ты – великая птица...

Юнна Мориц

Неужели тебя мы забыли?
Для меня ты всегда всех живей —
Спутник детства, брат неба и пыли,
Друг игрищ и забав, воробей!

Ты щебечешь о небе, играя,
Неказистый комок высоты, —
Сверху – небо, внизу – пыль земная,
Между ними – лишь ветка да ты!

Как ты прыгаешь вдоль по России
На тонюсеньких веточках ног —
Серой пыли, особой стихии,
Еретик, демиург и пророк.

В оптимизме своем воробейском,
Непонятном горам и лесам,
Научился ты в щебете детском

Запрокидывать клюв к небесам.

Воробьиною кровью живет,
От мороза дрожа, словно дым,
Я, как ты, ворожу, воробею,
Не робею пред небом твоим.

И зимой, воробьясь вдохновенно,
Не заботясь, как жил и умру,
Я, как ты, воробьясь вселенной,
Замерзая, дрожу на ветру...

Но, пока ты живёшь, чудо-птица,
На глухих пустырях бытия
Воробьется, двоится, троится
Воробейная правда твоя!

Чудак

Вспоминая Адия Кутилова...

Во мне живёт один чудак,
Его судьба – и смех и грех,
Хоть не понять его никак —
Он понимает всё и всех.

Смуглее кожи смех его,
И волосы лохматей снов.
Он создал всё из ничего —
И жизнь, и слёзы, и любовь!

Из туч и птиц – его костюм,
А шляпа – спелая луна.
Он – богосмех, он – смехошум,
Он – стихонеба глубина!

Чудак чудес, в очках и без,
В пальто из птиц, в венке из пчёл,
Он вырос ливнем из небес,
Сквозь небо до земли дошёл!

Он благороден, как ишак.
С поклажей грешных дел моих
Он шествует, и что ни шаг —

И стих, и грех, и грех, и стих!

Он стоязык, как сладкий сон,
Как обморок стиха без дна.
Смеётся лишь по-русски он,
А плачет – на наречье сна.

Пророк вселенской чепухи,
Поэт прекрасного вранья,
Он пишет все мои стихи,
А после – их читаю я!

Он – человек, он – челомиг,
Он пишет строчки наших книг,
Он в голове живёт моей
И делает меня сильнее!

Не только о пиджаке

Кто я такой? – Поэт. Брехун. Чудак.
Меня таким придумали – не вы ли?
Ромашками давно зарос пиджак.
И валенки грязны от звёздной пыли.

У времени прибой есть и отбой.
Я установлен, как закон, в природе, —
Не бегая за модой, быть собой,
Ведь солнце, не меняясь, вечно в моде.

Пусть дни текут, как чёрная волна!
А у меня – на берегу заката —
Среди волос запуталась луна,
А губы пахнут космосом и мятой.

Бог поцелует мне обуглил лоб,
И мне плевать, что обо мне болтают:
Какой неряха, чудик, остолоп, —
Пиджак цветёт, и валенки сияют!

Памяти Евгения Евтушенко

Что ж, свершилось. Тает снег.
Умер сам Двадцатый век.
Значит, вот таков удел
Всех бессмертных в мире тел.

Ты идёшь к великим в даль —
Боговдохновенный враль,
Скоморох, пророк, поэт,
Уленшпигель наших лет.

Помню хмель твоей вины,
Острый взгляд из глубины,
Помню твой – сквозь морок лет —
Незлопамятный привет.

Скудный дар тебе дарю —
Тем же ритмом говорю,
Что Иосиф, милый враг,
Провожал певцов во мрак.

Этим шагом начат год.
Этим шагом смерть идёт.
Так шагает старый бог:
Раз – шажок, другой – шажок.

Шаг за шагом – в темноту,
За последнюю черту,
Где ни лжи, ни естества,
Лишь слова, слова, слова.

Ими правил ты, как бог.
Ты себя ломал, как слог,
Рифмой острой, как стилет,
Нервы рвал десятки лет.

Ты – мишень и ты же – цель,
Как Гагарин и Фидель.
Белла, Роберт и Булат
Ждут, когда к ним встанешь в ряд.

А тебя, – прости всех нас, —
Хоронили много раз.
Что ж, воитель и герой,
Умирать нам не впервой.

От твоих трудов и дней
Нам осталось, что видней —
Твой обманчивый успех,
Твой оскал, твой едкий смех.

Рыцарь, жулик и герой,
Ты, меняясь, был собой —
Яд со сцены проливал,
Отравляя, исцелял.

Под задорный, острый взгляд
Мы глотали этот яд —
Вместе с миром и тобой,
Вместе с Богом и судьбой.

Ты – виновник всех растрат,
Жрец и рыцарь всех эстрад.
Ты горел, сжигал, сгорал,
Но скупым ты не бывал.

Что ж, обман твой удался.
Ты в бессмертье ворвался.
Всё простится за чертой
За надрыв и ропот твой,

За глухой тупик стиха,
За огонь и мрак зрачка,
За блистательность ошибки,
Черноту черновика.

Ты сейчас стоишь один
Средь заоблачных равнин —
Справа – свет, налево – тьма,
Снизу – Станция Зима.

Сценомирец, дай-то Бог,
Чтоб остался жгучим слог,
Чтоб талант твой не иссяк

На эстраде в небесах.

Что ж, прощай. Закрылась дверь.

Что осталось нам теперь?

Этот ритм – ать-и-два —

...и слова, слова, слова.

Вишнёвый сад

В твоих глазах цветёт вишнёвый сад.
В моих глазах дотла сгорает небо.
Ассоль, ты помнишь, – триста лет назад
Всё не было на свете так нелепо?

Ещё земля не пухла от могил,
Ещё людей на свете много было,
И ветер цвёл, и камень говорил,
И солнце никогда не заходило.

Ты помнишь, как спускались к морю мы,
В глазах плясали солнечные блики,
Тогда, ещё до ядерной зимы,
И как сладка тогда была клубника...

Моя Ассоль, корабль не придёт.
Не плачь. Смотри, не говоря ни слова,
Как надо мною чёрный свет встаёт
Столбом – от лба до неба молодого.

Смотри: всё небо – в алых парусах.
Они цветут, кровавые, как рана.
А позади – мечты, надежды, страх,
И шум волны, и пристань Зурбагана...

Ты знаешь, мы насадим новый сад.
В моих глазах ещё осталось место.
Пусть расцветёт надеждами наш ад,
В котором я – жених, а ты – невеста...

Пусть совершится скромный чумный пир.
Пусть нас обманут глупые надежды.
А завтра Бог создаст нам новый мир,
Но мы в нём будем теми же, что прежде...

Прости меня. Я выдумал тебя,
И этот мир, и ядерную зиму.
Я мог бы жить, не грезя, не любя,
Но мне творить миры необходимо.

Вишнёвый сад цветёт в твоих глазах.
Мы вырубим его, насадим снова.
Ассоль, ты заблудилась в чудесах,
Которые творю я силой слова.
Ты видишь – нет меня, я – тлен, я – прах,
Я создал мир, я растворён в веках,
Где нет ни будущего, ни бывшего,

И небо, небо – в алых парусах...

Девяностые

Юнне Мориц

Девяностые, девяностые —
Дни кровавые, ночи звёздные...
Грусть отцовская, боль привычная...
Это детство моё горемычное.

Трудно тянутся годы длинные,
И разбойные, и соловьиные...
В подворотнях – пули да выстрелы,
А над грязью всей – небо чистое.

Вот и я, мальчишка отчаянный,
Непричёсанный, неприкаянный.
На глазах детей – слёзы взрослые...
Девяностые, девяностые.

Дома маются, пьют да каются —
Водка горькая, желчь безлунная...
И во мне с тех пор кровью маются
Детство старое, старость юная...

Искупают с лихвой опричники
Смертью горькою жизни подлые...
И так тесно, так непривычно мне,

И так жарко и пусто под небом.

Жить без возраста, жить без времени —
Вот судьбина какая вздорная!
Выбрал Бог да родному племени —
Душу светлую, долю черную.

И не взрослые, и не дети мы —
Разве мало изведаль скитаний я?
И столетьями, и столетьями —
Испытания, испытания...

Девяностые, девяностые —
Дни кровавые, ночи звездные...
Кражи, драки – под солнцем яростным...
Это детство моё – старше старости.

«Любой, кто засыпает, одинок...»

Любой, кто засыпает, одинок.

Кто б ни был рядом, ты – в отдельном мире,
Но в той вселенной есть твой городок,
В нем – тот же дом и тот же мрак в квартире.
Бывает, погружаешься во мрак,
А в нем – всё лучше, чем при свете, видно:
Грязь, неуют, за домом – лай собак,
Что скалят зубы, злятся: им обидно
На пустоту, в которой тяжело...
Но за стеной спокойно дышит мама,
Сквозь стены слышишь ты её тепло
Всем существом, своею сутью самой.
Да, ты – дитя. Но, увлеченный тьмой,
Ты постигаешь холод жизни краткой,
Вперив глазенки в тёмное трюмо
Напротив детской маленькой кровати.
Там – то ли тень, а то ль твоё лицо,
А то ли кто-то третий, страшный, страшный,
Кто время сна жестоко сжал в кольцо...
Но думать, *кто*, не важно. Нет, не важно.
...Страшилка это или анекдот,
Воспоминанье, ставшее лишь знаком?
При свете мир давно уже не тот...
Но в темноте он вечно одинаков.
Днем – жизнь, дела: не выйти за черту.

А ночью – тот же детский страх спасенья,
И тот же лай собак на пустоту,
И тот же Третий меж тобой и тенью,

И – сквозь пространство – мамино тепло...

Один в комнате

Поэма сумерек

*Один человек
И одна большая муха
Сидят в гостиной...*

Из японской поэзии

1

Осенний вечер. Дом холостяка.
За окнами чуть слышно дождь бормочет.
Как мотылёк, накрытый чашей ночи,
Мой стих дрожит, впиваясь в край листка.
Слова чисты от старой шелухи.
День убегает серыми дворами.
И сумерки, стекая вниз по раме,
Неслышимо слагаются в стихи.
И комнат молчаливое тепло,
Раздвинутое сумерками жизни,
Звучит в тиши как будто с укоризной —
Ты понял, как тебе не повезло?...
Кому, зачем всё это было надо —
Преподнести мне за мои грехи
Безлюдный дом, и горечь листопада,
И тишину на дне моей строки?...

...Иголкой в стоге потерялось лето,
А осени безмерна глубина.
Растаивают в сумраке предметы,
И в чайнике дымится тишина.
Всё это было. Только было проще
Сгореть мне в сером сумрачном огне,
Где дождь осенний сухо, тихо ропщет —
Он так устал гримасничать в окне...

В тиши чуть слышно тикает будильник.
Уходят звуки чередой во тьму.
Желудок голоден, как холодильник,
И холод общий – в нём, во мне, в доме...
И пустота глядит с небес с укором.
Невзрачен жизни серый ореол.
И каменное яблоко раздора
Декоративно украшает стол.

2

Сникает, наклоняясь, у окна
Сухой букет среди сумерек бездонных,
И над часами с медным скорпионом
Пульсирует и плачет тишина,
И древний шум реликтовых морей
Из раковины, привезенной с моря,
Доносит голоса любви и горя
Иных, бессмертных, пролетевших дней...

В молчанье второе значим каждый звук.
Мой космос расширяется – украдкой.
За гобеленом, вышитым прабабкой,
Прядёт свою вселенную паук.
Цвет, звук, предмет – ушли в страну чудес.
Мир связан, как платок, из пряжи серой.
В окно моё вторгается без меры
Космическая седина небес...

Дождь сыплется из арок небосвода.
Звучит природа, как органнй зал.
Господь, изъяв поэта из природы,
Ему свои законы предписал:
Наперекор дороге вдаль идти,
Любить, творить, искать всему причины,
В сплетениях астральной паутины
Вслепую находить свои пути.

Но, сколько ни скули и ни пророчь,
Стихов разнокалиберная стая,
Страницы тонких сумерек листая,
В глазах мелькая, улетает в ночь,
А есть – лишь серость, сухость, пыль и прах,
Круги холодных сумерек над нами.
Их серое неслышимое пламя
Сжигает мир в холодных зеркалах...

Патриархальных сумерек урок
Пришёлся кстати. Для моих попыток
Познать себя ещё не минул срок.
И небеса развёрнуты, как свиток.

Путь к небесам немислим без борьбы.
Дорога через потолок – короче.
Пусть за окошком чёрный грифель ночи
Начертит свой чертёж моей судьбы!

Придёт пора пасти свои стада —
И я пойму: учить мне было надо
Несложную науку листопада
Лететь из ниоткуда в никуда —

В те незамысловатые края,
Где вечны персонажи тихой драмы —
Пустынный дом, и дождь, прилипший к раме,
И жёлтый лист, и сумерки, и я.

Ухо Ван Гога

Соната

Наш мир стоит на Боге и тревоге.
Наш мир стоит на жертве и жратве...
У жертвы, выбранной жрецами в боги,
Перевернулся космос в голове.

Его холстов бессмертные ошибки —
Зрочка безукоризненный каприз:
Плывёт над садом облако улыбки,
И в облаке струится кипарис.

Пылает ухо в пурпурном закате,
Кровь виноградников пьянее книг,
И пузырится звёздами хвостато
Ночного неба чёрный черновик.

Сухой голландец, тощий и небритый,
Сам для себя – дурдом, дурман и страх,
Взирает на подсолнечье с палитрой,
Сжимая трубку старую в зубах.

Он слышит сердцем звуки небосмеха,
Он ловит кистью Божий смехолуч,
И ухо отзывается, как эхо,

В ушах листвы и в раковинах туч.

Он совершит святое разгильдяйство —
Мазком к холсту прищипит высоту.
Джокондовское снится улыбайство
Подсолнухам, врисованным в мечту!

Звенит над храмом небо колокольно,
Чтоб нам зрачки от скуки протереть,
Но всё же вечно смотрим мы – невольно —
Туда, куда так больно нам смотреть!

Прозрачная идёт по склону лошадь,
И жалуется ей сквозь холст Ван Гог,
Что башмаки его устали слушать
Рассказы неоконченных дорог...

Творец в сверкальне сна полузеркален.
С холста струится солнечная кровь.
Мозг гения прозрачно гениален,
И сквозь мозги сквозит сквозняк богов!

2

Вот он идёт – не человек, – дурман,
Дурман небес, чудачества лекало.
Он пьян, давно упал бы он в бурьян,
Когда б за крылья небо не держало.

Он пьян, но не от нашего вина,
А от другого, – горше и суровей.
Кровь виноградников всегда красна,
Как солнце, конопатое от крови.

Он пил всю ночь глухой абсент легенд.
Полынный вкус небес во рту дымится.
Абсент легенд – священный элемент,
Он миражам даёт черты и лица!

А рано утром, только он проспится,
Увидит Бог, живой в его зрачке,
Как солнце сквозь подсолнухи струится,
Бушует, пляшет в каждом лепестке!

Пусть барабанит в жилах кровь-тревога,
Пусть грают птицы, небо вороша, —
Подсолнечье – вот небеса Ван Гога!
Подсолнухи звенят в его ушах!

Художество не худо. Всё – оттуда,
Где метеор – взамен карандашей.
Да, вот такая амплитуда чуда —
От неба до отрезанных ушей!

К музыке

Музыка – муза и мука,
Топот духовных погонь,
Вочеловеченность звука,
Мыслящий треском огонь!

Музыка – мука и муза,
Звуку дающая вес —
Вес векового союза
Трели, зари и небес!

Музыка – света примета,
Что недоступен уму.
Музыка умного света
Скрипками брызжет во тьму!

Музыка – горло и ухо,
Ухо, что в сердце вросло,
Ухо проросшего слуха —
В песне, где свету светло!

Музыка – сила бессилья!
Выше всех вешек и вех
Скрипка влетает на крыльях
В ангельский плачущий смех!

Музыка тайного тока,
Что из звучащей земли
В нас перешёл, – мы до срока
В звук, словно в двери, вошли!

Музыка, древнее древо,
Где растекается мысль, —
Древнее древо напева,
Соки влекущее ввысь!

Сочная, спелая мука
Нас у земли украдёт,
Как Апокалипсис звука,
Библия скраденных нот.

Ноты, что скрадены Богом,
Собраны Бахом в ладонь,
Станут надёжным итогом
Наших дорог и погонь.

Музыка ангельских ноток,
Вписанных в каменность лбов, —
Словно без крови, без пота —
Почва, судьба и любовь!

«У каждого свой Бог...»

У каждого свой Бог.
У каждого свой Суд.
Но люди из всех эпох
Судьбы на Суд несут.

У каждого свой ад.
У каждого свой рай.
Повесься иль будь распят —
Изволь, поэт, выбирай!

Осина, цикута, крест,
Отрава, петля, костёр...
Одна нам благая весть:
Не нам завершать сей спор —

Спор памяти и судьбы,
Спор ада и горних сфер...
Рабы мы иль не рабы?
Чья лучше — из сотни вер?

Уверуй, трудись, молись,
Воскресни, опять умри...
Но тянет благая высь,
Но манит огонь зари!

Мы ищем в беде побед,
Плывём по течению спин...
У каждого – личный свет.
А мрак, он на всех – один.

Секс на пляже

Падежи

Ты – имя всех моих надежд.

Я – именительный падеж.

А ты – на новом рубеже —
В родительном живёшь уже.

Бог копит в небе благодать,
Чтоб дательным за всё воздать.

А я – творю, пишу, строчу,
Творительный падеж учу.

Винительный падеж забудь:
Он – лишь для потерявших путь.

Предложный предлагает нам
Взойти по строчкам к небесам

И сотворить там падежи
Для языка любви без лжи:

Искательный, сиятельный,
Растительный, любительный,

Старательный страдательный
И славный наградительный,

Печальный умирательный
И вечный воскресительный!

Язык любви – блистательный
И мироповелительный!

Романс

Не злясь, не измеряя силы,
Упасть в любовь, как в бархат лож...
А из любви, как из России,
Кривой дорогой не уйдёшь.

Ты – чистая, святая, злая,
Своей не знаешь высоты...
А я – ошибка, но такая,
Какой гордиться будешь ты.

Да! На каких-нибудь полночи,
На полсудьбы, на полчаса
Я стану морем, – ты же хочешь
Взметнуться чайкой в небеса?

Я – только черновик твой смутный.
Но нам друг с другом повезло:
Тебе в моих стихах уютно,
А мне во снах твоих тепло.

Перетекает небо синюю
Из глаз твоих – в мои глаза...
А из любви, как из России,
Одна дорога – в небеса.

И сердце застучит, встревожась,
И пробежит по коже дрожь:
Пусть из судьбы уйти ты можешь —
Из снов моих ты не уйдёшь!

Валерии Руди

Мне грустно, Валерия Руди, что лето свершилось,
Что сны отоснились, что сказкам приходит конец.
Отсияла своё сирень и увяла жимолость,
Не отперт волшебный – приснившийся нам – ларец.

Крепнут яблоки, алые, спелые, —
августа рыжебрового дети.
Как жаль, что мы своё яблоко, райское, не уберегли...
Как повеет в окошко вечером разбойный ветер,
Как начнет своё вечное раз-лю-ли-лю-ли...

Он тебя тёплыми ладонями чуть коснётся,
Он припадёт к твоему правому, пульсирующему виску —
И в твоих волосах захохочет детское солнце,
Как мальчик, бегущий к морю по обжигающему песку!

А ты знаешь, жизнь – она крепче чая с малиной,
В ней не только уют и игра...
Знаешь, вдруг пробегает дрожь —
И на сердце так разбойно, свежо, соловьино,
Что верится, плачется, а отчего – не поймёшь...

А помнишь, помнишь – мы рядышком в театре садились,

И пробегало по телу тайное, плачущее тепло,
И глаза незаметно, как воры в ночи, сходились,
И пальцы вздрагивали,
как птичье встрепенувшееся крыло...

Не сбылось! Не стало общим – нашим – небо,
Валерия Руди!
Расточились, зря пропали из ларца сказочные дары.
Розовые кони ржут, пенят медные, в яблоках, груди,
И под кожей, напрягаясь, перекатываются шары...

Нас вместе несли по свету эти розовоокие кони,
Вместе нам пели сказочные, золотогрудые соловьи...
Мне грустно, что другому в крепкие, гордые ладони
Отдала ты детские руки свои!

Другому ты доверяешь свои обиды, победы и беды,
Другой заселяет, как дом уютный, твои мечты...
Какие дороги меряют твои узкие кеды,
Кому принадлежит то небо, на которое смотришь ты?

Теперь по нашим дорогам, асфальт копытами пробуя,
Цокают скушные будни, точно в старом каком кино.
А небо, оно – у каждого своё, особое,
А у нас оно было общее – только давно, давно...

После – всё было у нас, только неба – одного на двоих — не хватало.

Да! Разве счастье бывает – взаправдашнее, всерьёз???

И для кого же ты, юная, расплескала

Рыжее золото улыбающихся волос?

Не хватило тогда мне силы, и мужества, и тепла...

Не бывает в жизни такого, чтоб от счастья любовь бегала!

Было всё. Было солнце, и небо, и сны. И любовь – была.

Только нас с тобою, Валерия Руди, на свете, похоже, — не было.

Стихи в честь Настасьи

*...Анастасия,
Дура в лентах, серьгах и шелках!
Павел Васильев.*

Дней июньских щедрая награда —
Долгая вечерняя прохлада.
Город спит, хотя ещё светло.
Берег Иртыша, улыбки, хохот,
Заводской далёкий дым и грохот,
Ветреное летнее тепло.

В переулках делается тише.
Яблочный закат лежит на крышах,
И хмельна густая темень рощ.
Ангелы, которых мы вспугнули,
В синеву взмывают, словно пули,
И летит черёмуховый дождь.

Вот теперь, в черемуховой व्यюге,
О тебе, Настёна, о подруге,
Речь я издалёка заведу.
Не суди меня, подруга, строго, —
Даже если я скажу немного,
Может, очень далеко зайду...

Речи о тебе вести непросто.
Эта тема только мне по росту, —
Ты уж не мешай, не прекословь.
Вижу я, как ветрено и зыбко
В уголках у губ дрожит улыбка
И лукаво изогнулась бровь.

Целый год, — а это, друг, немало, —
Мы корпели вместе над журналом.
Сух и глух литературный дух...
У меня, не правившего строки,
До сих пор горят румянцем щёки
От твоих весёлых оплеух.

Дикая моя филологиня,
Слушаю тебя я, как разиня,
Строфיקой банальною греша.
Я, как царь Кощей, над рифмой чахну,
Но порой, измученный, как ахну —
До чего же, стерва, хороша!

Хороша, как молния шальная,
Хороша, как исповедь хмельная,
Глаз суровых тьмою и огнём.
Хороша, как слепнущие звёзды,
Хороша, как этот пьяный воздух,
Выносящий мозг одним глотком!

Не смотри, родная, лоб нахмутив.

Может, ты сочтёшь, что балагурю,
Только знаешь, – это всё всерьёз.
По твоей улыбке вниз стекаю,
Контур ветра ясно ощущаю
По движению твоих волос.

Был я князем – стал отныне нищим.
Ветер твой гудит над пепелищем.
Отчего с тобой мне повезло?
Медленно вышёптывает ветер
Эту поступь, легче всех на свете,
Этих пальцев смуглое тепло!

Отчего милы мне, хоть и грубы,
Нежно обзывающие губы,
Теплота зарозовевших щёк?
Ничего я, милая, не скрою:
Просто я, наверно, был с тобою
В дни, когда нас не было ещё!

Стали мне дороже эти речи,
Эти руки смуглые и плечи,
Эта россыпь шуток по судьбе...
Будь твой взгляд ещё стократ суровей —
Капля света в капле тёплой крови
Будет вечно помнить о тебе!

Этот вечер выдался на славу!
Ямки на щеках дрожат лукаво...

Я от этих ямок во хмелю.
Я сейчас, – но это между нами, —
Вижу не глазами, а губами,
Очень ясно вижу, что – люблю.

Ты молчи, молчи, не возражай мне!
Чувство хорошо, когда бескрайне,
За него тогда я всё отдам!
Милое чудовище, Настасья,
Дай мне только прикоснуться к счастью,
К смуглым и обветренным щекам!

Это чувство вечно – вот досада!
Снова нет с ним никакого сладу,
Снова буйна и упряма кровь...
Нет ему конца и нету краю...
Я сто раз его, как храм, взрываю,
Но он восстаёт из праха вновь!

Много раз, к высоким чувствам строгий,
Я нырял в лирические строки,
Измерял собой их глубину...
Может, позабыть тебя и легче...
Только вечность после нашей встречи
Стала глубже – на тебя одну!

Может, кто-то – там, на белой туче, —
Мне послал сей стих, как дождь летучий,
Чтоб в него я окунулся вновь,

Чтобы полнокровно, полновесно
Забродило песнею чудесной
Небо, опрокинутое в кровь?

Всё, что было, всё, чего не стало, —
Всё июньским ливнем отблистало.
Слаще мёда стала даже боль.
Время лечит, раны – отболели!
Сладкой истиной в весёлом теле
Нынче напоить меня изволь.

Я *такой* любви хотел, – до гроба,
Чтоб – до слёз, до крови, до озноба,
Чтобы всё – взаправду, всё – всерьёз,
Чтоб горела в небесах над нами,
Встречами, разлуками, путями —
Вкрадчивая соль сибирских звёзд...

Строго смотришь ты – и я смолкаю...
Ожиданью нет конца и краю,
И в крови сожжённой – только тишь...
Но – ликующим стихотвореньем
Над моим позором и паденьем
Ты звучишь, – звучишь, – звучишь, – звучишь!

Лопнув, словно нерв, струна хмельная
Взвизгнет, вены мне перерезая,
Только «нет» сорвётся с милых губ, —
Сразу искренностью, жгучей, жаркой,

Красной, горькой, нестерпимо яркой
В солнечных лучах зальёт мой труп...

Ангел мой, душа, Анастасия,
Не печаль глаза свои лихие,
Просто посмотри – и улыбнись.
Просто лето бродит в наших жилах,
Мы ему противиться не в силах,
Это чувство и зовётся – жизнь!

Просто лето бродит в наших жилах,
В наших строчках – глупых, тёплых, милых,
И темени хмельных весёлых роц.
Пусть же эти строки, лета краше,
Прозвенят светло над жизнью нашей,
Как слепой черёмуховый дождь!

Секс на пляже

Философский диптих

1

Бог вечереет. Алый небосклон
Цветистее переводной картинки.
Закат изогнут над рекой времен.
И камни у дороги греют спинки.

Сухой огонь песка не жжёт ступней.
Коснулся ветер губ твоих – и замер.
А губы пахнут солнцем и слезами...
Касаюсь их – всё горше, всё нежней...

Покрыта рябью сонная вода.
Рябь небосвода – радостней и зыбче...
Вдвойне прекрасен, грозен и улыбчив
Мир накануне Страшного Суда.

Пустынен пляж. И облако, как флаг,
Дрожит над миром, предвещая грозы.
И мир жесток, и мир прекрасен – так,
Что вместо глаз – одни сухие слёзы.

Глаза закрою. Спрячу свет звезды

Под чутким веком, веря и надеясь...
И я сгорю в костре, который – ты,
И только там я, может быть, согреюсь.

2

Вода, песок и небо над землёй.
Я ухожу из быта в мирозданье.
Руками ветра над большой рекой
Бог лепит из деревьев изваянья.

Когда в душе – расплавленный закат,
Зови тоску как хочешь, хоть – любовью.
Я лью из уст признаний тонкий яд...
Дрожат твои изломанные брови...

Пять лепестков скупой руки моей
В траве твоих волос скользят неслышно...
Поэт, пророк, паяц, прелюбодей,
Я мчусь к концу. А время – неподвижно.

Лечу глазами вслед за стаей птиц,
Теряющихся в космосе победно.
Закат стекает каплями с ресниц,
И небосвод звучит – призывно, медно...

Он, чувствуя, как мир наш одинок,
Звучит в тиши небесною трубою
И пустоту, которой имя – Бог,

Заполнить хочет – может быть, собою.

Я люблю этот сад

Наивная песенка на старый мотив

Я люблю этот дом,
Я люблю этот сад,
Где под синим дождём
Георгины стоят.

Я люблю этот сад,
Я люблю этот дом,
Где цветеньем объят
Куст под самым окном.

Пусть в миру пролетят
Тыща лет или две —
Я люблю этот сад
У меня в голове.

В нём не гаснет закат
И не вянут цветы.
Я люблю этот сад
Под названием «Ты».

И, когда я уйду
За земной окоём,
В этом дивном саду

Мы с тобою пройдем.

Мы пройдем по судьбе,
Невесомы, чисты —
Ты во мне, я в тебе,
И в обоих — цветы.

И в цветенье огня
Потону я один,
И пройдет сквозь меня
Теплый дождь георгин.

Тёмная вода

Темна вода во облаках.

Псалтирь

Ещё сжимали руку руки,
Но в небе плакала звезда
И всхлипывала о разлуке
Ночная тёмная вода.

Мы расставались на неделю,
А оказалось – навсегда.
Легла меж нами без предела
Ночная тёмная вода.

Закрылась в будущее дверца.
Мы ждали встречи у пруда
И знать не знали, что под сердцем—
Ночная тёмная вода.

О том, что жгло, пытало даже,
И в сердце не найдёшь следа.
Всё знает, но вовек не скажет
Кровь, словно тёмная вода.

Дни мчатся призрачно и пошло,
Из ниоткуда в никуда...

В грядущем, в настоящем, в прошлом —
Ночная тёмная вода.

Восточный поэт

Порой бывает – разум слышит ноты,
Каких не слышит ухо никогда,
И сердце, словно птенчик желторотый,
Стремится вывалиться из гнезда...

Истома... Тяжесть... Счастье близко, близко...
Грядёт жених в ночи в чертог жены...
И рифма ждёт, как будто одалиска
В роскошном полумраке тишины...

Орда

Пленница, славянка с гордой кровью,
Где ты, за какой глухой стеной?
Были мы разлучены – любовью,
Были мы повенчаны – войной.

Я твой город княжеский взял с боем
И тебя, – твой враг, а ныне – друг, —
Жёлтою татарскою рукою
Вырвал из холёных княжых рук.

Я тебе дарил степей раздолье,
Кобылиц татарских табуны;
Древнею ордынской твёрдой волей
Обещал престол моей страны.

Только кровь, звенящая, лихая,
Для которой каждый шаг – война, —
Это пропасть без конца, без края,
Это нерушимая стена.

Ты сбежала... И в лесах да чащах,
Средь осенней золотой листвы,
Средь стволов высоких да звенящих
От степной ты скрылась татарвы.

Я твоими прохожу тропами
И, встречая брачную зарю,
Узкими татарскими очами
На огромный, светлый мир смотрю.

Вспоминаю небо, степь без края,
Золото трепещущей травы —
И стрелу, как птицу, отпускаю
С чуткой и звенящей тетивы.

Ворожу, молюсь степному богу:
Пусть, замороженная, она
Мне к тебе укажет степь-дорогу —
Иль убьёт, коль ты мне не верна!

На поле Куликовом

...Знаешь, мне не страшно перед битвой,
В этой тёмной и глухой степи...
Умягчи мой дух своей молитвой,
Кротким словом сердце укрепи.

Впереди – встаёт туман без края.
Впереди – Смородина-река.
Позади – земля, земля родная,
Сумрачна, пустынна, велика...

И ползут бессонной ночью думы...
И шумят, шумят вдали поля...
Слышишь из земли глухие шумы?
Это плачет русская земля.

Птичий крик вдали – остёр, протяжен.
Ветер, ветер, степь, ковыль да прах...
Так и мы – в землю нашу сляжем,
Чтобы Русь стояла – на костях.

И, отвоевав свой век короткий,
Буду я лежать в земле сырой,
Чтобы ты в своих молитвах кротких
Вспоминала обо мне порой.

И, увидев алый всполох в небе,
Ты поймёшь, что Бог меня простит.
Обо мне в тумане вскрикнет лебедь,
Обо мне ковыль прошелестит...

Колыбельная

Лёвушке Иванову

Лев, царевич, милый мой,
светик мой малиновый,
снежно-белую зимой
жизнь ты начал длинную.

В небе яркой солью звёзд
над путями-встречами
на десятки славных вёрст
жизнь твоя размечена.

Много в мире ты свершишь
чистого, высокого.
Белкой по стволу взбежишь,
в небо взмоешь соколом.

Ты найдёшь свой кладенец,
плуг проверишь пашнею.
Лев, царевич, удалец,
солнышко домашнее.

Ты играй, играй, играй,
мир игрой на два деля.
Твой непокорённый рай

ждёт завоевателя.

Много будет славных лет.
В их цветастом пении
ты звучишь, сиренный цвет,
как стихотворение.

Ты расти свой вертоград,
многоцветье славное.
Выше всех наград и правд —
правда детства главная.

Лев твой держит меч и щит,
свет цветёт на лбу, пока
над тобой Господь парит
шестикрылым облаком.

Ты расти, расти, расти,
ты расти без старости.
Сказки по ветру пусти,
но – без зла, без ярости.

Свет мой тихий, возрастай
хоть до неба синего.
Сном витай хоть возле стай
у моста Калинова.

Лев, царевич, светик мой,
слушай наше пение.

Подрастай, играй и пой
нам на заглядение.

В небе яркой солью звёзд
над путями-встречами
на десятки славных вёрст
жизнь твоя размечена.

Мой несбывшийся храм

Зодчим хотел бы я стать, воздвигать над землёю соборы,
Замки, палаты, дворцы, в камне полёт пробуждать,
Небо спуская на землю, землю подъявля до неба,
Слышать, как в камне полёт сотнею крыльев шумит.
Вот он стоит, мой колосс, белый покой расточая, —
Чудо ожившей земли, белый букет к небесам.
Каждая луковка стянута строгим бутоном,
Ждёт, когда чудо-цветку придёт распуститься пора.
Купола круглый зрачок отдохновенья не даст мне:
Ясности солнечный мёд льётся к нам сквозь витражи,
Божий зрачок озарил высшую точку пространства,
Небо раскрыло уста, камень стал плотью и словом —
Время семи дней Творенья в узел один собралось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.